

В дальнейшем для обеспечения наиболее квалифицированной помощи раненым начали организовываться специализированные госпитали и отделения. С июня 1943 г. основная масса раненых с повреждениями глаз проходила лечение в специализированных госпиталях и глазных отделениях. В госпиталях ближайшего тыла лечились бойцы с более лёгкими ранениями, в глубокий тыл направляли с тяжёлыми проникающими ранениями глаз, с деформацией лица, нуждавшихся в длительном лечении и сложных хирургических и пластических вмешательствах. Профессор Левкоева смогла убедить коллег в необходимости немедленной обработки глазных травм в условиях полевых госпиталей. Предложенная ею методика вошла в инструкцию по оказанию помощи раненым. В качестве первичной хирургической обработки при проникающих ранениях глаз накладывались сквозные швы на роговицу и склеру, это позволяло предотвращать инфекцию и в конечном итоге сохранять орган. Количество слепых на оба глаза (их называли военноослепшими) в конце войны составляло, по данным госпитальных отчётов, от 5 до 10%.

Основными задачами медицинского персонала специализированного госпиталя являлась не только работа с ослепшими пациентами по ориентировке в пространстве, но и мероприятия по преодолению у них депрессии. Военноослепшие обязательно помещались в палаты вместе со зрячими. В первый же день к ним прикреплялись один или два зрячих помощника из числа находившихся в палате и доброволец из шефствующей над данным отделением организации. Лечение и обслуживание каждого бойца в глазных госпиталях было сугубо индивидуальным, часто ослепшие очень болезненно переносили любое невнимание к ним. Они окружались заботой не только со стороны врачей, медсестёр и санитаров, но и другого персонала. Работниками госпитальных библиотек проводились для них «читки» художественной литературы, групповые и индивидуальные занятия по предметам. Отбирались лучшие произведения отечественной и мировой классики. Большой интерес у слушателей вызывали произведения З.Алигер, В.Гроссмана, М.Исаковского, К.Симонова, А.Твардовского и других советских писателей.

Автору этих строк повезло лично знать известного московского филолога Нину Дикушину (Любушкину), которая в годы войны работала операционной медицинской сестрой госпитального отделения в НИИ глазных болезней

им. Гельмгольца. В своей книге, изданной на собственные средства в 2002 г., она описала, как знакомила раненых, лечившихся там, с информацией: «Я приходила в «свои» палаты с газетами, читала сводки Информбюро и обязательно статьи И.Эренбурга. «Что там Илья-пророк пишет?» – спрашивали меня, когда я с газетами

читаю строчки, написанные капитаном медслужбы П.А.Крошиной, работавшей в те годы начальником одного из свердловских эвакуогоспиталей, в каждой из них сострадание и тревога за судьбу пациентов: «Сама по себе слепота является тяжчайшим увечьем, накладывающим отпечаток на всю дальнейшую жизнь пострадавшего,

в тяжёлое депрессивное состояние, говорил о бесцельности существования без зрения. Имея высшее сельскохозяйственное образование, считал невозможным применять в будущем свои знания, работать агрономом. Из родных у него осталась только 15-летняя сестра, проживавшая в деревне. Домой ехать не хотел. От отчаяния его спасла

всего этого, но домой я не должен вернуться, не имея на руках специальности».

Выдержка из другого письма: «Моя жизнь проходит очень хорошо, хожу сам везде, куда задумается, никто не водит; с первых дней было плохо, но сейчас привык».

Письмо от молодого человека 1922 года рождения: «...Я так тяжело переживаю слепоту, что даже поседел. Вначале потерял всякий интерес к жизни, думал, что всё потеряно. Благотворно подействовала на нас беседа, проведённая слепым проф. Коваленко (директор курсов по подготовке военноослепших в вузы. – Н.Е.). В госпитале я научился читать и писать по Брайлю.

...Учиться хочу в вузе. ...я уверен, семья (отец, мать, 5 сестёр и 1 брат. – Н.Е.) меня встретит тепло, всё же не хочу никому быть в тягость, буду сам себе пробивать дорогу. Знаю, что это нелегко. Но, если я смог примириться и пережить слепоту, думаю, что преодолю трудности, которые меня ожидают впереди».

Другой воин, 1906 года рождения, был ранен в бою, получил множественное осколочное ранение черепа и лица. В его семье 8 детей, самому старшему – 17 лет. «Думаю жить в колхозе и работать, вырастить своих детей», – написал он в письме в госпиталь.

Большим стимулом для бывших пациентов глазных госпиталей была возможность продолжать образование. Из письма: «Вот уже полтора месяца нахожусь дома, скучать мне не приходится. Папа мне много читает, и я занимаюсь с ним латинским языком. Читаю по рельефному шрифту и могу сказать, что сделал большие успехи. На днях начал учиться писать на машинке».

Письма в госпиталь нередко присылали и родственники военноослепших. Выдержка: «Мой муж очень окреп. Работает в рыболовецкой артели. Вся бригада считает, что он работает лучше зрячего. ...В общем, он нашёл применение своих сил и способностей».

И ещё факты, зафиксированные в отчётах специализированных госпиталей: среди военноослепших подавляющее большинство были пехотинцами; далее следуют сапёры, миномётчики; танкисты и... медики, принимавшие участие в боевых действиях, составляли 1%.

Надежда ЕМЕЛЬЯНОВА,
заведующая научной библиотекой
НИИ медицины труда РАМН,
кандидат педагогических наук.

НА СНИМКЕ: медсестра Нина Любушкина.

Былое

Судьбы «Военноослепших»

Письма врачам от тех, кто никогда не увидит солнца

В годы Великой Отечественной войны ранения глаз отличались особой тяжестью и, как следствие, привели к большому количеству слепых. В стране была развернута сеть полевых и эвакуогоспиталей, преимущественно общехирургических и общетерапевтических. На начальном этапе не обошлось без существенных ошибок. Известный советский офтальмолог профессор Эмилия Левкоева вспоминала: «Судьба бойцов с ранениями глаз в начале войны была очень

трагична. Мероприятия с ними были в корне неправильными: на раненый глаз в полевом госпитале накладывалась повязка, и без каких-либо дополнительных лечений боец отправлялся в тыл. А там он попадал в общий госпиталь, и нередко лишь через две недели большой усталости следующей перевязки и лечения. За это время в раненом глазу возникал необратимый процесс. Глаз можно было бы спасти при оказании своевременной помощи».

появлялась на пороге. Ну а когда немцы летом 1942 г. стремительно продвигались к Сталинграду и Эренбург едва ли не ежедневно печатался в «Правде», мы начинали с его статей. А книги для чтения требовались в основном «весёлые». Самым большим спросом пользовались, пожалуй, Зоценко, ещё не попавший в опалу, Ильф и Петров и ещё Л.Соловьёв с его книгами о Ходже Насреддине. ... Слушать чтение газет и книг становилось потребностью наших раненых».

Для военноослепших в госпиталях создавались специальные кабинеты по трудоустройству, где их обучали работе по сборке пуговиц, изготовлению сетей, корзин, щётки, конвертов, технике массажа и т.д. Они также изучали письмо и чтение по Брайлю, письмо «по-зрячему». Обладавших музыкальными способностями обучали игре на баяне или фортепиано. Большим положительным примером для этих людей служили судьбы ослепших воинов, которые нашли своё место в жизни и работали на заводах вместе со зрячими или оставались инструкторами для военноослепших в госпиталях.

Среди причин военной слепоты наибольший процент имели огнестрельные ранения глаз. У военноослепших нередко наблюдались и другие тяжёлые увечья – утрата пальцев, кистей рук, нарушение слуха и др.

характер которой радикально меняется. Ослепший переходит в мир ощущений, из которых выпали главнейшие восприятия, осуществляемые с помощью зрения.

...военноослепшие резко отличаются от слепых. ...Депрессия возникает одновременно с наступлением слепоты и носит затяжной характер».

Самоотверженная работа всего персонала госпиталей, их чуткость и доброта не пропадали даром, обратно в госпиталь часто приходили письма от бывших пациентов.

Вот интересные выдержки из них. Письмо от офицера М., который поступил в госпиталь после проникающего осколочного ранения обоих глаз и травматической ампутации четырёх пальцев правой руки. Он ослеп на оба глаза, в госпитале впадал

переписка с сестрой, которая оказала ему большую моральную поддержку. В госпитале он изучал грамоту по Брайлю, много читал. Связался с сельскохозяйственным институтом.

Затем в госпиталь от него пришло такое, полное оптимизма письмо: «Сестра Женя исключительный человек, она очень чуткая и в то же время спокойная. Она, не колеблясь, разрешает мне делать всё, что я хочу, и благодаря этому по уходу за скотиной и всю остальную работу я стал выполнять без труда. День проходит примерно так: утром пою и кормлю скотину, собираю сепаратор, пропускаю молоко и мою посуду. Днём топлю печь, вяжу чулки и сети. Два-три часа читаю и пишу. Вечером – уборка за скотиной.

...Весной займусь огородничеством и хочу ещё завести пчёл, а с нового учебного года буду работать преподавателем в школе. О белом свете тоскую только иногда».

Вот ещё одно письмо в госпиталь: «Когда я приехал сюда, был морально подавлен, ослаблен. Но, побыв здесь немного, увидя теплоту и внимание, у меня появилось сознание, что я зрение потерял не даром, что потерял зрение за счастье нашего народа, и народ не забудет тех, кто сражался за дело освобождения нашей Родины в Отечественной войне. Я был садоводом, пчеловодом, лесоводом, лишился

Находки

Эту маленькую книжицу – размером 10 на 15 см – одна из орловских жительниц обнаружила в архиве своего деда, участника Первой мировой войны. На пожелтевшем титульном листе – православный крест, двуглавый орёл, а внизу дата – 1916 г. Дореволюционным, непривычным ныне шрифтом напечатано: «От её императорского Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны». Адресована книжечка была воинам действующей армии.

Медицинская памятка императрицы

Оказывается, унтер-офицер русской армии Иван Борисов получил памятку императрицы, будучи на фронте, и очень дорожил ею. Потому что она содержала массу полезных сведений. Например, подробно расписаны положения, согласно которым защитникам Отечества выдавали денежные суммы, а в случае гибели кормильца – их вдовам и детям-сиротам. Для тех, кто из-за ранения утратил способность к тру-

ду и нуждался в постоянном уходе, была предусмотрена материальная поддержка. Доходчиво разъяснена процедура медицинского переосвидетельствования. В одном из пунктов, к примеру, прописано: «Если медицинское освидетельствование или переосвидетельствование нижего воинского чина требует выезда его с места жительства, то ему выдаётся из казны 1) кормовые деньги — по 25 копеек в сутки;

2) прогонные деньги...» Особо пострадавшие из-за полученных ранений могли поступить на полное казённое содержание в благотворительные учреждения...

Интересны советы по оказанию раненым первой неотложной медицинской помощи. Как известно, в годы войны императрица и её старшие дочери Ольга и Татьяна работали сёстрами милосердия в одном из госпиталей (в книжечке

есть снимок той поры). Причём основам медицинских знаний и приёмам оказания соответствующей помощи членов августейшей семьи обучала в Царском Селе первая русская женщина-хирург Вера Гедройц.

Содержит книжечка и календарь на 1916 г.

Василий ШПАЧКОВ,
собр. корп. «МГ».

Орёл.